

Отже, класифікація джерел за видовою ознакою дозволяє вивчити особливості функціонування документів кожного виду та визначити їхнє місце в корпусі джерел з історії таврійського сектантства першої половини XIX ст.

Джерельна база історії духоборів, молокан і скопців Таврійської губернії в першій половині XIX ст. охоплює джерела світського та церковного походження і складається з різнопланових видів документів. Специфіка російського справочинства досліджуваного періоду забезпечила формування репрезентативного масиву джерел, що забезпечує вивчення джерел за тематичною ознакою. Підставою для створення класифікації документальних джерел з історії духоборської, молоканської та скопечької сект Таврійської губернії першої половини XIX ст. є багатогранність та повнота джерельної бази проблеми.

Бібліографічні посилання

1. Историчне джерелознавство : підр. / Я. С. Калакура, І. Н. Войцехівська, С. Ф. Павленко та ін. – К., 2003.
2. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособ. / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцев. – М., 1998.
3. Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации (К постановке проблемы) / И. Д. Ковальченко // История СССР. – 1982. – № 3. – С. 129–149.
4. Ланглуа Ш.-В. Введение в изучение истории / Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос; пер. с фр. А. Серебряковой; Гос. публ. ист. б-ка России; под ред. и со вступ. ст. Ю. И. Семенова. – 2-е изд. – М., 2004.
5. Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. – М., 1975.

Надійшла до редколегії 22.11.2010

УДК 94:329.11(47) «1880/2009»

М. А. Руднев

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СЕМАНТИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ КОНСЕРВАТИЗМА В РУССКОЙ ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XXI вв.

(А. Д. Градовский – Н. А. Бердяев – А. Г. Дугин)

На матеріалах науково-публіцистичних праць, політико-філософських і «суспільствознавчих» трактатів трьох російських мислителів, що належать до онтологічно різних історичних епох та до протилежних ідейно-філософських традицій, розглянуто пропонувані ними семантичні трактування та схеми типологізації ідеології консерватизму.

Ключові слова: консерватизм, ідеологія, семантичний аналіз, інтерпретація, типологія, політична філософія, О. Д. Градовський, М. О. Бердяєв, О. Г. Дугін.

На материалах научно-публицистических работ, политико-философских и «обществоведческих» трактатов трех русских мыслителей, принадлежащих к онтологически разным историческим эпохам и к противоположным идейно-философским традициям, рассматриваются исходящие от них семантические трактовки и опыты типологизации идеологии консерватизма.

Ключевые слова: консерватизм, идеология, семантический анализ, интерпретация, типология, политическая философия, А. Д. Градовский, Н. А. Бердяев, А. Г. Дугин.

On the materials of the social-philosophical and political-philosophical treaties and articles of three the Russian thinkers who lived in the ontologically different historical periods and represent the antagonistic ideological and intellectual traditions their semantic interpretations and typological schemes of the concept «conservatism» are considered.

Key words: conservatism, ideology, semantic analysis, interpretation, typology, political philosophy, A. D. Gradovsky, N. A. Berdiayev, A. D. Dugin.

Неизбывная семантико-типологическая разноголосица, имеющая очевидную идеологическую и ценностную мотивацию, которая сопровождает понятие «консерватизм» как в «повседневном» (общественно-политическом) словоупотреблении, так и в строго научных исследованиях, обусловила неослабевающий профессиональный интерес представителей социально-гуманитарных наук к теоретическим аспектам его исторического бытия, а также к основным вехам и этапам развития соответствующей интеллектуальной («историко-понятийной») традиции.

В связи с крайним многообразием и де-факто библиографической необозримостью специальной и «общегуманитарной» научной литературы, непосредственно касающейся указанной проблематики, особенно перспективными и плодотворными, с научно-методической и чисто познавательной точек зрения, представляются историографические исследования обзорного характера, преследующие цель тематического охвата и концептуального синтеза семантических интерпретационных моделей и типологических схем консервативной идеологии, исходящих от отдельных выдающихся мыслителей и ученых-гуманитариев, которые принадлежат к онтологически разным историческим эпохам и к несхожим, зачастую антагонистичным идейно-философским традициям.

В данном случае в качестве предмета обзорно-компаративного анализа нами избраны семантико-типологические трактовки понятия «консерватизм», «озвученные» русским историком-правоведом, либеральным идеологом и публицистом А. Д. Градовским (1841–1889), знаменитым философом Н. А. Бердяевым (1874–1948) и нашим современником, идеологом российского «неоевразийства» и духовно-интеллектуальным лидером евразийского движения на постсоветском пространстве, профессором Московского университета А. Г. Дугиным.

Именно А. Д. Градовским был осуществлен первый научно и идеологически значимый опыт семантического анализа понятия «консерватизм» в русской интеллектуальной традиции. Речь идет об очерке «Что такое консерватизм», вошедшем в сборник его публицистических работ «Трудные годы (1876–1880)» (СПб., 1880). Выступая против хрестоматийного противопоставления терминов «консервативный» и «либеральный» (и даже расценивая его как «порядочный абсурд»), А. Д. Градовский исходит при этом из собственной оригинальной идеи о разной «онтологической» природе консерватизма и либерализма, что обуславливает их взаимную совместимость в политико-идеологической сфере и, соответственно, предполагает возможность либерально-консервативного синтеза («либерал может быть консерватором») [3, с. 340].

По версии либерального правоведа, «словами – консерватор, консерватизм, определяется не столько склад теоретических понятий общественного деятеля, сколько практическое направление его деятельности, не столько склад его ума, сколько направление его воли», в то время как либерализм представляет собой «известную теорию устройства государства, форм и пределов его деятельности» [3, с. 338, 340].

Идея либерально-консервативного синтеза, в полной мере отражавшая социально-философские взгляды и общественно-политическую позицию самого А. Д. Градовского, заключается в том, что «... как консерваторы, так и прогрессисты понимают, что люди меняются со временами и что новым временам нужны и новые учреждения»; следовательно, и одни и другие «одинаково стоят на почве

исторического развития народа», а в своей практической деятельности «оба направления идут рука об руку, поддерживая и двигая учреждения своей родины» [3, с. 344].

Что касается консерватизма, то его «родовую» специфику русский либеральный правовед определяет следующим образом: «Консерватор исходит из убеждения в годности основных начал данного общественного устройства... Он желает, чтобы установления его родины всегда соответствовали их историческим началам; но он знает также, что сохранение этих начал зависит от правильного видоизменения их форм, соответственно условиям времени...» [3, с. 342]. За этой умозрительной («идеальной») моделью легко угадывается ее единственно возможный реальный прототип – английский (в более широкой перспективе – англо-американский) консерватизм, обращение к историческому опыту которого красной нитью проходит через всю статью русского либерального ученого и публициста.

Автор очерка «Что такое консерватизм» явился также одним из основоположников устойчивой традиции противопоставления «консерватизма» и «реакции» («реакционности»). «Консерватор хранит старину, но в пределах требования настоящего, и обновленные, согласно этим требованиям, учреждения становятся в его глазах частью учреждений исторических, следовательно, достойных всяческого охранения», – заключает либеральный ученый и публицист [3, с. 345]. «Реакционер» же, согласно лапидарной характеристике А. Д. Градовского, «напротив, живет стариною, не признавая никаких требований настоящего» [3, с. 345].

Самая оригинальная и субъективная из известных нам трактовок консерватизма, находящаяся «по ту сторону» любых рамок и критериев «точного» историко-политологического знания, принадлежит перу Н. А. Бердяева (1874–1948). Она была озвучена в его этапном философско-публицистическом трактате «Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии» (1923), опубликованном через год после высылки автора из Советской России на «философском пароходе» вместе с многочисленной группой его коллег и других представителей творческой и научно-гуманитарной элиты.

В структурно-композиционном отношении «Философия неравенства» представляет собой собрание четырнадцати самостоятельных эссе («писем»), написанных от второго лица, в форме страстного полемического диалога с идейными «недругами» (в самом широком смысле – адептами различных версий материалистической философии истории и антропологии). Очевидно, что концептуально-стилистическое обличье бердяевского трактата определило авторский подход к понятию «консерватизм» (которому посвящено отдельное «одноименное» письмо «О консерватизме»), обретающему в его истолковании все характерные признаки философско-исторической категории. Интересующее нас понятие рассматривается русским мыслителем в его историософской (религиозно-философской) ипостаси, вне всякой исторической и социально-политической конкретности. По словам Н. А. Бердяева, в то время как для его философских «недругов» «консерватизм есть исключительно лозунг в политической борьбе», его собственная позиция предполагает разговор о консерватизме «не как о политическом направлении и политической партии, а как об одном из вечных религиозных и онтологических начал человеческого общества» [1, с. 91]. Конкретизируя свою умозрительную категорию вечного «консервативного начала», автор «Философии неравенства» щедро наделяет его такими комплиментарными характеристиками как «глубинный», «духовный», «истинный» консерватизм. В свою очередь, заключает русский философ, «консервативные политические партии могут быть очень низменны и могут исказить консервативное начало», а в исторической реальности «существует тип консерватора, который более всего сделал для скомпрометирования всякого консерватизма» [1, с. 95].

Совершенно очевидно, что Н. А. Бердяев должен был соотнести утверждаемое им «вечное консервативное начало» с оригинальной философией свободы, представляющей собой, как известно, смыслообразующий идейный стержень его собственного философского творчества. «Консервативное начало не есть начало насилующее и не должно им быть», – решительно заключает русский мыслитель. – «Это – свободно-органическое начало» [1, с. 103]. Более того, по убеждению Н. А. Бердяева, «консервативное начало само по себе непротивоположно развитию, оно только требует, чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать» [1, с. 103]. Напротив, «охранение всей шелухи прошлого, всей его соломы, всего неонтологического в нем» (или, согласно пафосной терминологии русского мыслителя, всего «тленного, грешного, злого, темного», всего, что «обречено огню»), клеймится им как «дурной, злой, отрицательный консерватизм» [1, с. 95]. (Примечательно, однако, что автор «Философии неравенства» воздержался от использования закономерно напрашивающегося в данном случае терминологического обозначения «реакция» или «реакционность»).

В настоящее время «последним словом» новейшей российской гуманитаристики в интерпретации консерватизма, претендующим на исчерпывающую полноту понятийных рамок и типологической схемы, остается характеристика интересующего нас исторического феномена представленная в двух фундаментальных работах А. Г. Дугина: объемном (немногим менее 800 страниц) синтетическом учебном трактате под сверхамбициозным названием «Обществоведение для граждан Новой России» (М., 2007), рекомендованным его автором для «учащихся 10–11 классов общеобразовательных школ, гимназий, лицеев и студентов начальных курсов ВУЗов, а также для преподавателей [4, с. 2] и в книге «Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века» (СПб., 2009). Согласно авторской аннотации к первой из указанных работ «учебник включает основные разделы дисциплины «Обществоведение»: история, политика, религия, экономика, геополитика, культура, вооруженные силы, безопасность, философия, человек», а также дает «развернутую картину эволюции российского общества в последние десятилетия – от перестройки до «суверенной демократии» [3, с. 2].

Необходимо отметить тот отрадный факт, что А. Г. Дугин, общепризнанный теоретик современного «неоевразийства» и лидер евразийского движения на постсоветском пространстве, а несколько ранее – виднейший пропагандист и интерпретатор идей «консервативной революции» (во всем, подчас провокационном многообразии ее конкретных воплощений – вплоть до различных рафинированных версий фашистской идеологии) не пошел по пути фактического отождествления своего собственного историко-политического идеала с консерватизмом «как таковым».

Со своей стороны, автор «Обществоведения для граждан Новой России» дает максимально обобщенное и нейтральное в идеологическом и ценностном отношении определение интересующего нас исторического феномена: «Консерватизм – это политическая теория, исходящая из предпосылки, что прошлое является более совершенным, чем будущее, и главной политической задачей является сохранение традиций, уклада и структур, существовавших на предыдущих этапах истории общества и государства» [4, с. 224].

Релятивизм, свойственный дугинской интерпретации интересующего нас исторического феномена, в полной мере проявился в решительном утверждении автора «Обществоведения...» о том, что «общей теории политического консерватизма нет и быть не может», поскольку «различные общества имеют различную историю, и в каждом из них на каждом этапе их развития политический консерватизм может означать нечто совершенно особое» [4, с. 224]. Соответственно, по мнению А. Г. Дугина, «в каждом конкретном случае, что (именно – М. Р.) из про-

шлого берется в качестве образца и высшей политической ценности, зависит от конкретного исторического и национального контекста» [4, с. 224].

Решительно акцентируя свою релятивистскую позицию (которую, при желании, можно определить как приверженность «ситуационной» трактовке по С. П. Хантингтону) [2, с. 123] констатацией того непреложного факта, что «о конкретном содержании консервативной политической идеологии нельзя сказать ничего обобщенного», автор «Обществоведения для граждан Новой России», тем не менее, допускает возможность общей типологизации консерватизма. Согласно его концептуальной версии, «консерваторы могут быть разделены на несколько категорий, в зависимости от градуса накала (! – М. Р.) в их отношении к прошлому» [4, с. 225]. В соответствии со столь оригинально сформулированным критерием А. Г. Дугин выделяет три «категории» (или «разновидности») интересующего нас исторического феномена: «фундаментальный консерватизм»; «либеральный консерватизм»; «консервативная революция».

Историософский идеал и, соответственно, «главную политическую задачу» представителей первой из названных групп («фундаментальные консерваторы» или «традиционалисты») автор «Обществоведения для граждан Новой России» характеризует следующим образом: «Это те, кто строго придерживается дуальной теории: прошлое – это благо, будущее – зло. История общества, государства, политической системы разворачивается для них от «плюса к минусу» по линии деградации. В такой ситуации главной политической задачей становится утверждать верность старине (благу) перед лицом современности (зла) и настаивать на детальном соблюдении всех политических норм и правил традиционного общества» [4, с. 225]. Согласно дугинской типологизации, «фундаментальный консерватизм практически всегда имеет религиозный характер», а его адепты «выступают за сохранение сакрального измерения в политике и за традиционное общество» [4, с. 225].

Что касается «либерального консерватизма», то в отличие от «фундаментального консерватизма» и «консервативной революции», не локализуемых А. Г. Дугиным ни хронологически, ни территориально данная «категория» представляет собой «намного более узкое явление, возникшее в Западной Европе (в первую очередь, в Англии) в XVIII веке», в основе которого «лежит идея, что общество должно развиваться не революционно, скачками, но эволюционно, т. е. постепенно» [4, с. 225]. Согласно типологической схеме А. Г. Дугина, «либерал-консерваторы», в отличие от «фундаментальных консерваторов» («традиционалистов»), «верны не столько прошлому, сколько настоящему, каким бы оно ни было...» (?? – М. Р.) [4, с. 225]. (Очевидно, что в данном случае речь идет о современном статус-кво («настоящем»), установившемся в западном мире после 1945 г., а в «общеевропейском» (планетарном?) масштабе – в результате крушения «мировой системы социализма» в конце 1980-х – начале 1990-х гг.). При этом, по версии автора «Обществоведения...», в своей практической деятельности либерал-консерваторы исходят из того, что «лучшей политикой является политика равновесия, когда все антагонистические силы в обществе пребывают в относительном спокойствии, уравновешивая друг друга» [4, с. 225].

Наконец, адептов «родной» для него идеологии «консервативной революции» (рассматриваемой им в качестве третьей разновидности консерватизма) А. Г. Дугин характеризует как «фундаменталистов и традиционалистов, которые отчаялись в возможности сохранить наиболее ценные аспекты Традиции и встали в радикальную – «революционную» – оппозицию современности» [4, с. 226].

В высшей степени примечательно, что в своей более поздней книге, философско-политологическом трактате «Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века» (СПб., 2009), идеолог «неоевразийства» дополнил вышеизложенную типологическую схему «еще одним направлением»

(т. е. четвертой разновидностью консервативной идеологии) – так называемым «левым консерватизмом или социал-консерватизмом» [5, с. 97]. А. Г. Дугин констатирует близость выделяемого им нового типа консерватизма к различным версиям российского национал-большевизма и немецкого левого (антигитлеровского) национал-социализма, адептов которых постиг трагический и бесславный конец: «Левый консерватизм близок к русскому национал-большевизму Н. Устрялова, который под чисто левой марксистской идеологией обнаружил русские национальные мифы. Еще более внятно это изложено в левом национал-социализме Штрассера, и в германском национал-большевизме Никиша» [5, с. 97].

Вместе с тем А. Г. Дугин сопроводил свою внешне парадоксальную типолого-терминологическую новацию выразительной оговоркой о том, что «такой левый консерватизм можно отнести к семейству Консервативной революции (третьей универсальной разновидности консерватизма – *М. Р.*), а можно выделить в отдельное направление» [5, с. 97].

Одновременно идеолог современного евразийства де-факто решительно деавуирует уже знакомое нам его собственное «учебное» определение консерватизма из «Обществоведения для граждан новой России» (впрочем, без малейших признаков «самокритики» и рефлексии по поводу своей прежней концептуальной позиции) как «одно из самых типичных заблуждений», которое «заключается в упрощенном представлении, что консерваторы – это те, кто «хочет сохранить прошлое, оставить (или сделать) все как было» [5, с. 100]. В противовес подобному «упрощению» А. Г. Дугин исходит из того, что «в политическом смысле консерватизм – это не сохранение прошлого и даже не обращение к традиции» и определяет его «на этот раз» как «философский подход, который весьма специфически трактует время», т.е. «не просто выбирает какой-то сектор времени (прошлое) в качестве приоритета, но оперирует с особым представлением о времени...» [5, с. 101]. Соответственно, главная суть консерватизма (который он, подобно Н. А. Бердяеву, наделяет «высшим статусом» философско-онтологической доктрины) состоит в том, что «консерватор защищает и отстаивает не прошлое, но постоянное, неизменное, то, что сущностно всегда остается тождественным самому себе» [5, с. 102]. Таким образом, для консерватора прошлое (равно как настоящее и будущее) «ценно не само по себе, но только тем, что в нем есть нечто постоянное» – согласно несколько расплывчатому определению А. Г. Дугина, «фундаментальные константы общества, человека, духа» [5, с. 102].

В завершение столь избирательного («точечного») анализа наиболее оригинальных и значимых в научно-идеологическом отношении семантико-типологических трактовок консерватизма в русском интеллектуальном пространстве, принадлежащих трем совершенно не схожим мыслителям из разных исторических эпох, следует отметить, что, с нашей точки зрения, одним из самых перспективных направлений изучения теоретико-методологических аспектов интересующего нас исторического феномена должно стать создание проблемно-историографических (историко-научных) работ как обобщающего, так и более локального характера. Реконструкция и всесторонний анализ историографических образов виднейших теоретиков и «практиков» европейского (в том числе русского и украинского) консерватизма и научно-философских интерпретаций его ключевых идеологических парадигм представляет собой необходимое условие и один из способов верификации и необходимой коррекции и обновления традиционного понятийного аппарата, семантико-типологических моделей и классификационных схем.

Бібліографічні посилання

1. **Бердяев Н. А.** Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии / Н. А. Бердяев // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. – Л., 1991. – С. 7–242.

2. Гантінгтон С. Ф. Консерватизм як ідеологія / С. Ф. Гантінгтон // Консерватизм : антологія / упоряд. О. Проценко, В. Лісовий. – К., 2008. – С. 122–141.
3. Градовский А. Д. Что такое консерватизм / А. Д. Градовский // Градовский А. Д. Трудные годы (1876–1880) / А. Д. Градовский. – СПб., 1880. – С. 338–381.
4. Дугин А. Г. Обществоведение для граждан Новой России / А. Г. Дугин. – М., 2007.
5. Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века / А. Г. Дугин. – СПб., 2009.

Надійшла до редколегії 28.12.2010

УДК 94(477.75)«19/20»

А. А. Тропіна

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ДЖЕРЕЛА З ІСТОРІЇ ПОЛІТИКИ КОРЕНІЗАЦІЇ В КРИМСЬКІЙ АСРР У ФОНДАХ ДЕРЖАВНОГО АРХІВУ РОСІЙСЬКОЇ ФЕДЕРАЦІЇ

Подано стислий аналіз і характеристика фондів Державного архіву Російської федерації (м. Москва), у яких зберігаються джерела з історії політики коренізації, що проводилася радянською владою в Кримській АСРР на початку ХХ ст.

Ключові слова: національна політика, коренізація, Кримська АСРР, татаризація.

Дан краткий анализ и характеристика фондов Государственного архива Российской Федерации (г. Москва), в которых хранятся источники по истории политики коренизации, проводимой советской властью в Крымской АССР в начале ХХ в.

Ключевые слова: национальная политика, коренизация, Крымская АССР, татаризация.

In the article short-story description of features of different groups of writing sources is given on history of national policy of korenizatsiya, by the conducted Soviet Power in Crimea.

Key words: national policy, the korenizatsiya, the Crimea, tatarization.

Актуальність дослідження політики коренізації полягає, по-перше, в невіршених до сьогодні національних питаннях на пострадянському просторі. По-друге, національна політика татаризації, що проводилася в Кримській АСРР на початку ХХ ст., недостатньо вивчена у зв'язку із недоступністю упродовж тривалого періоду багатьох радянських архівних фондів, присвячених цій проблема-тиці.

«Архівна революція» початку 1990-х рр. відкрила дослідникам доступ до документів, які раніше мали статус таємних. Політична обстановка в країні сприяла тому, що відповідно до Указу Президента Російської Федерації від 23 червня 1992 р. з матеріалів, безпосередньо пов'язаних з характеристикою радянської політики, у тому числі й національної, було знято обмежувальні грифи. Доступ до раніше закритих архівних матеріалів прислужився додатковим поштовхом для дослідження національної проблематики в Кримській АСРР.

Радянський період дає величезну та різнопланову джерельну базу, яка вимагає детального вивчення й систематизації. При дослідженні національної політики радянської влади в Криму детально характеризувалися архівні фонди та документи Державного архіву Російської Федерації (далі ДАРФ) у м. Москва, в якому